

БАШНЯ «Д»

БОРИС ЛЕЙБОВ
Родился в 1983 году.
Окончил факультет социологии The University of Glasgow, Высшие курсы сценаристов и режиссеров (сценарная мастер-

ская Олега Дормана и Людмилы Голубниной).
Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Иерусалимский журнал», «Нрещатин». Живет в Москве и Тель-Авиве.

А когда еще и мертвые восстали, вот тогда совсем все запуталось. Улицы превратились в черт-те что. И город перестал быть самим собой. В башнях было потише. К счастью, их отстроили недавно, наша – «Д», самая последняя, ну и мало кто у нас поумирал-то. Кроме Джереми. Он выпал из окна в Рождество, в прошлое. Я знал еще до газет, потому что был там. Видел, как его стаскивали с крыши соседской машины. От нее мало что осталось, от той «тойоты». Серый внедорожник, даже асфальтовый, наверное. Мне он очень нравился. Я и на поминки ходил. Поминки помню. Я еще всплакнул, когда мама Джереми взяла микрофон. Песню его любимую ставили несколько раз... Похороны не помню, нет. Только гроб. Белый такой, гладкий, с золотыми ручками. Наверное, самое дорогое, что когда-либо было у Джереми. На поминках я все больше пил. Мне не нравится их национальная еда. Один желтый рис, да и не рис, а еще что-то, как рис, но мельче. И в сухофруктах все. Я ковырнул из вежливости и еще подумал: ну вот, а Джереми наш уже, наверное, в аду. Он не был хорошим человеком. Все во дворе знали, что он нечасто, но поколачивал свою женщину, было дело. А однажды я видел из окна, как он спустил собаку на какого-то старика из другого корпуса – не видел его прежде. Тот сделал Джереми замечание насчет окурка. Ну,

что, мол, урны не просто так стоят. И может, в Африке ты их не видал, но здесь принято мусорить в них, а не в траву. Если в Африке газонов нет, это еще не значит, что можно как в Африке. И все-таки я удивился, когда оказалось, что Джереми угодил в рай. По пятой кнопке объяснили же, что вернулись только те, кто был в раю. Ну, потому что если б и ворота ада отперли, тогда вообще живым места не осталось бы. Там они не сразу сообразили, что возвращать надо волнами. Только к вечеру второго дня закрепилось правило, что только те, кто за последние пять лет усоп. Вроде экспериментальной группы. А вот то, что из ада не будут возвращать, – это они с самого начала решили.

Вот в прошлый вторник и встретились. Я выпил бутылки два пива, хотел пройтись вокруг башен и сигарету скрутить. Кручу теперь, а что поделать? Видели, как цены на нормальные взлетели? Их теперь только в министерствах курить будут. Да... Вторник. Докурил, ишу мусорку, сам-то я мусорить не мусорю, не из Африки, слава богу. Не так меня воспитали. Вдруг вижу – стоит. Такой же, как до смерти был. Высокий. Выбритый начисто. Лысый. И акцент никуда не делся. Все в нем было как обычно.

– Эй, – говорит.

– Не в этом тебя хоронили, – говорю в ответ.

- Не в этом, – соглашается.
Я жду.
- Не знаю, как так вышло, – оправдывается сосед.
- Ну... А сам как? – Я, по правде сказать, несколько растерялся.
- Хорочо, я думаю.

Он и раньше так говорил. «Хорочо». Африканец...

- Мочно я поживу у тебя два-три дня? Мама продала мою квартиру.
- Мочно, наверное, – отвечаю я нехотя и не скрываю этого.

Он и пожил, все три дня. Если вам говорят «два-три», будет три, а если «три-четыре» – будет четыре. Так всегда бывает. С нашими, не нашими, мертвыми, живыми – выгоды никто не упустит, разве что дурачок, но их извели. В красных книгах дурачки все нынче.

На третий день начались настоящие неприятности. Много привалило с того свету. Целая тьма народу. И как давай свое жильё назад требовать. Там, тут, раз дверь захлопнулась, другой, первый выстрел, и, глядишь, к полуночи уже и машины горели, и покрышки, и трассы перекрыли. Живых же тоже понять можно. Особенно тех, кто покупал углы у наследников. Им обидней всего. Люди возмущались, и справедливо возмущались. Где это видано? Воскресение воскресением, а жить где всем? Вернули обратно – хорошо! Спасибо даже скажет редкая вдова. Но раз вернули, так и решили бы вопрос заранее с инфраструктурой, с рабочими местами там, с жильём – в первую очередь. Запад города вспыхнул первым. Богатые горят в первую очередь, с пуделями, розами и зеленой изгородью. Под утро горели и трущобы на востоке. Там гостей принимали резче. Там не до инфраструктуры, там каждый новый рот – угроза.

Утром четвертого дня неразбериха усилилась. Вещание прервалось. Те, что полевее, прибились к мертвякам и пошли на МВД. Они, живые то есть, кричали: «Дэд Лайфс Мэттер», а мертвые не кричали. Надо сказать, осторожно и тихо, но сказать надо, что мертвые зачастую вели себя куда более воспитанно. Живые все больше требовали, а эти скорее молили. Все одно правые выиграли. Правые всегда выигрывают, особенно в переполох. Их верующие кричали: «Где Царь Царей? Чего сам не пришел?» И вопросы эти незаметно вытекли в простую и ясную установку: убивать однажды мертвых – не грех. Живых – грех. А этих – нет. И закона запрещающего нет. В мерт-

вого стрелять – ну чудачество, ну хулиганство, но не статья.

Да, завертелось лихо. Это вам не вернувшуюся бабу в коттедж не впускать. Это вам не «музыку давай громче – сам уйдет»... Закосило многих, и тех, и этих, кто по первому кругу умирал, кто по второму, но кровили все. До наших башен не дошло. Не больше одного мертвого на подъезд – на революцию не хватит. Джереми докурил в окно скрученную мною сигарету. И попросил еще одну. Я сидел. Насупился и сидел.

– А ты отудова с деньгами пришел? Или как там у вас?

Но я скрутил еще одну. Поворчал, но скрутил. Я не то чтобы жадный.

– Что там? – спросил он, не штокая, как все, а именно чтокая.

А там по забору разматывали режущую проволоку, не колючку, как раньше, шипованную, а новую – с лезвиями, как на детских коньках. У ворот из ящиков и лавок городили пулеметную вышку.

– Ваших ждем, – сказал я Джереми.

Мне показалось, что он вдруг погас. Как будто обмер, хотя куда ему.

– Стой! – я крикнул, когда он подтянулся и влез на подоконник.

Ну а там понятно, чем кончилось. И ведь опять на «тойоту». Не на ту серую, как асфальт: ее сдали. И взяли взамен такую же. Джереми-то надо мной раньше жил. Ну вот и опять на нее, ну не на нее, а на новую. Эта не серая, а небесно-голубая. Была.

